

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ЭКСТЕРНАЛИИ КАК ФАКТОРЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Т. А. Михайлова

INSTITUTIONAL EXTERNALITIES AS FACTORS OF INSTITUTIONAL CHANGES

T. A. Mikhailova

В статье излагается гипотеза автора о свойстве институтов и институциональных образований продуцировать внешние, побочные эффекты (экстерналии), что превращает их в один из факторов институциональных изменений.

The article states the authors' hypothesis about the ability of institutes and institutional formations to produce the external, side effects (externalities) which transforms them in one of the factors of the institutional changes.

Ключевые слова: институты, экстерналии, факторы, эффекты, изменения, метаконкуренция, баланс, системы, нормы, эффективные, неэффективные,

Keywords: institutes, externalities, factors, effects, changes, metacompetition, balance, systems, rates, efficient, inefficient.

Поиск факторов институциональных изменений является одним из ключевых вопросов не только институциональной теории, но и институциональной практики.

Методологической основой таких поисков является ряд положений неинституциональной теории, в частности, тех из них, которые связаны с определением роли институтов в обществе. Согласно Д. Норт, эта роль состоит «...в уменьшении неопределенности путем установления устойчивой (хотя и необязательно эффективной) структуры взаимодействия между людьми» [1, с. 21].

Вторым ключевым положением можно считать идею Й. Шумпетера о сущности экономического развития, состоящей в перераспределении наличного капитала и вовлеченной рабочей силы из одних менее эффективных отраслей экономической деятельности в другие – более эффективные [2].

Собственно институциональные изменения, безусловно, развертываются в исторически последовательном порядке, что послужило основой возникновения, так называемой, эволюционной теории, гипотезу которой выдвинул А. Алчиан [3, р. 211 – 222]. Сообразно ей, «с течением времени неэффективные институты отмирают, а эффективные – выживают, и поэтому происходит постепенное развитие более эффективных форм экономической, политической и социальной организации» [1, с. 118]. Обе концепции, по существу, приводят к тождественности двух ведущих факторов институциональных изменений – относительных цен и предпочтений, на что и указывает Д. Норт [5, с. 108]. Такой отбор осуществляется на основе внутренней, межинституциональной конкуренции, т. е. конкуренции между институтами, в процессе которой, как отметил Капелюшников, «...выживают сильнейшие, т. е. наиболее эффективные институты» [4, с. 78]. Безусловно, особую роль в этой метаконкуренции играет государство.

Метаконкуренция стимулирует процессы постоянных изменений и развития, в первую очередь, именно определяющих их факторов. Имеющиеся в

современной литературе подходы к вопросу об изменениях, и особенно об анализе государственной политики в рамках институционализма, вращаются вокруг идеи разделения факторов развития на экзогенные и эндогенные, на инкрементные, эволюционные и революционные [5]. Так, В. В. Вольчик с опорой на ряд работ все типы институциональных изменений, которые описаны в экономической литературе, группирует следующим образом:

1. Инкрементные институциональные изменения за счет закрепления неформальных правил, норм, институтов в относительно малых группах с семейно-родственными связями. Эффективно снижают трансакционные издержки для членов группы.

2. Эволюция институтов. Возникающие неформальные практики постепенно закрепляются как общепризнанные в формальных институтах.

3. Революционные институциональные изменения. Обычно проявляются при экзогенном заимствовании институтов, или их «импорте» [5].

Методологически другим подходом к анализу институциональных изменений, в том числе и факторов влияния, является инженерный подход к институтам, изложенный в работах К. Оффе [6, с. 668].

Конкурентное противостояние в любой сфере, как производства, так и распределения и потребления ресурсов, основывается на соотношении спектра избирательных стимулов. К примеру, в трудовых отношениях между предпринимателями и рабочими существуют различные уровни избирательных стимулов по сравнению с конкурентными возможностями предпринимателей. Соответственно, в этих случаях неизбежно институциональное вмешательство государства, формирующее законодательные и организационные предпосылки для гарантированного производства и выравнивания возможностей в производстве коллективных благ для наемных рабочих. В основе данного подхода утвердилась логика, так называемой, теории групп М. Олсона – о соотношении возможностей производства коллективного блага для малых групп и для больших групп. Согласно этой

теории, малые группы с большим доступом к ресурсам имеют более выгодные положения и преимущества, нежели большие группы с ограниченным доступом к ресурсам [7]. Следовательно, возникает необходимость институционально уравнивать шансы доступа к ресурсам, что ведет к созданию соответствующих институтов и развитию институциональной среды.

В то же время в литературе имеются подходы, которые методологически пытаются преодолеть механическое разделение факторов формирования институтов и их изменений с опорой на эндогенные и экзогенные, как на исходную основу дальнейшего анализа. В таких моделях эндогенные факторы ведущие, но их содержание определяется экзогенными, глобально-политическими подвижками в мире.

Так, Джордж Модельски [8] связывает эволюцию институтов с эволюцией глобальной политики в контексте соотношения лидерской миссии, т. е. обличенной «исполнительной» концепцией глобального лидера в мировой глобальной политике, ее эволюции, со становлением «постгегемонистской эры», которая уже началась. На его взгляд, сотрудничество может осуществляться через более эффективные, негегемонистические международные режимы, установление которых – дело будущего.

В отличие от выбора траектории и эволюции глобальной политики между факторами микро- и макроуровня, Дж. Модельски все же рассматривает эту проблему, как проблему не отказа от деления на эндогенные и экзогенные факторы, а как проблему доминирующего положения одной из этих частей. Для него реальное положение – очень сложная картина развития всей мировой экономики, в которой ведущую роль играют все те же эндогенные процессы. В силу этого глобальный эволюционный процесс может быть изучен более эффективно через их исследования, но экзогенный фактор является неотъемлемой частью эндогенного, представляющего собой процессы именно экзогенного характера. В этой концепции сама модель не является детерминистской, но и не принимает за основу случайность. Она отдает *предпочтение направленности*, не предначертывая некое фиксированное содержание. Сама же сложность определяется, как *возможность изменяться*, т. е. развиваться.

С идеей структуралистской модели Дж. Модельски перекликаются идеи многих других авторов, которые нашли освещение, в частности, в аналитическом обзоре И. А. Чихарева [9, с. 161 – 172]. В первую очередь, это идея, выдвинутая Дж. Розенау, – управление без правительства. Она, при всей тяге к либеральности, все же перекликается с постструктуралистской концепцией «бессубъектных стратегий» Мишеля Фуко. Согласно ей, «власть – это *отношения, это пучок более или менее пирамидальных, более или менее согласованных отношений*». При этом Фуко имеет в виду «правительство не как институт», но как деятельность по организации подчинения. И в этом смысле власть – не локализация на уровне государства, а есть сосредоточение по всему «социальному телу». Тем самым позиционируется

идея политической сети, относящаяся не только к глобальному уровню, но и к различным уровням всех сфер мировой политики, образующих единую ткань. К этим идеям близка концепция О. Е. Андерсена, изложенная М. М. Лебедевой, описывающая, «как внутригосударственные регионы и мегаполисы вписываются в процесс глобализации, фактически выстраивая ее» [10, с. 97 – 108].

Соотношение субнациональных и глобальных уровней, в том числе и экономической политики, превращается в некую сеть, которая характеризуется многомерностью взаимосвязей государства, бизнеса и гражданского общества, многомерностью соединения персонального, локального, национального и транснационального уровней [11, с. 95 – 113, с. 129 – 179]. И. Чихарев особенно подчеркивает то, что важную основу этой ткани создает управление окружающей средой, действия по совместному решению экологических проблем, а также технологическое развитие и распространение информации. Собственно, как видим, многие авторы сходятся на мысли о многофакторности мировых экономических процессов, как и мировой политики в целом, а также о существовании трех основных групп секторов, а именно: *экологического, технологического и информационного*, которые и задают всю совокупность остальных факторов и факторных процессов. И если многие считают, что понимание общего знаменателя структуры мировой политики связано с определенным пониманием политического пространства, а геополитическая структура мира находится под влиянием распределения геомассы, то, тем более, геополитическая структура процессов мировой экономической системы обусловлена дифференциальным распределением той же гео- и биомассы природных и энергетических ресурсов, их доступностью, на базе определенного технологического и информационного обеспечения.

Таким образом, поиски сущности этих механизмов могут иметь различные основания, как и различные плоскости мировой экономики, в рамках которых можно проводить исследование. Но в реалиях практики все эти плоскости органически взаимосвязаны и неотделимы друг от друга. Это следует учитывать как в целях более точной классификации и понимания сути эволюционных изменений, так и факторов, определяющих эти изменения. Поэтому следует говорить об условном их разделении и тем самым исходить из того, что особенности их функционирования взаимообусловлены. Только в этом случае может быть оправдано начало исследования в рамках отдельных направлений, как, например, в рамках макроэкономического подхода к раскрытию механизма регулирования институциональных изменений, т. е. процесса институциональных изменений и регулирования всей экономической системы. Через целостное восприятие объекта исследования этот подход направлен на преодоление разделения изменений институтов на два типа: генетические и телеологические, поскольку они, являясь оценочной конструкцией, по мысли автора, не выступают лучшим аналитическим решением. О. С. Сухарев справедливо отмечает сложность разделения этих типов в практическом исследовании, и

«...настолько же трудно в интеллектуальном смысле затем объединить эти изменения, чтобы иметь общую картину, системный взгляд на проблему институциональных изменений» [12]. С этой позиции он выделяет следующую цепочку саморегуляции и механизма институциональных изменений: сначала имеет место некое изменение макроэкономических факторов, включая негативную их составляющую, затем это воспроизводит реакцию политической системы в лице правительственных организаций, направленную на элиминирование этих факторов или их негативного влияния; следом происходит переоценка взглядов на проводимую политику и используемые теории, концепции для её разработки, осуществляется коррекция мероприятий социально-экономической политики, что, в свою очередь, непредсказуемо изменяет и действующие макроэкономические факторы, включая и их негативную составляющую. Далее цепочка повторяется. Институты, закономерности функционирования иерархий, а также текущее состояние социальных систем оказывают влияние на конечный результат развития социально-экономической системы в целом. Близка по своей цикличности и концепция Т. Хаавельмо, которая представлена так: «В начальной точке – некое состояние общества, система правил и регуляторов, в рамках которых функционируют агенты. Их реакция меняет правила и даёт результаты, которые изменяют политические процессы, следствием чего является изменение правил и регуляторов, что в дальнейшем изменит и реакцию экономических агентов» [12].

Как видим, Т. Хаавельмо сводит все к реакции функционирующих агентов, однако вряд ли можно удовлетвориться таким положением. Вне всяких сомнений, реакция функционирующих агентов меняет или оказывает определенное влияние на правила, на институты более высокого уровня, в том числе и политические процессы, имеющие свои институциональные последствия. В большинстве предлагаемых моделей механизма формирования и развития, изменений институтов положительной стороной является взгляд на процесс институциональных изменений, как на замкнутый цикл. Важно то, что такое видение процесса есть предпосылка к пониманию *фактора обратной связи*. Остается непонятным, как этот фактор приводит непосредственно к институциональным изменениям. Другими словами, собственно верная в своей основе, конструкция обратного влияния требует большей конкретизации и своего формализованного выражения. Следует предположить, что дело не столько непосредственно в действующих реакциях функционирующих агентов, (это, скорее, частное проявление более общей группы факторов), сколько в том, что лежит в основании этих реакций.

При всей хаотичности этих реакций не следует забывать о том, что в их основании лежат конкретные интересы конкретных индивидов и групп, объединенных этими интересами. Поскольку индивиды, выполняя любые виды действий, осознанно или неосознанно соизмеряют их общественные выгоды и издержки со своими личными выгодами и издержками, то в случае значимого перевеса одних над другими созда-

ется почва, соответственно, или для «оппортунистического» поведения, или для подмены общественных интересов и выгод своими личными интересами, позиционирования их как социально-значимых. Данные императивы, проистекающие из «методологического индивидуализма», присущи не только меновым и транзакционным, но любым другим действиям, поскольку они присущи любой деятельности любого, преследующего свои интересы, индивида. Это позволяет нам выдвинуть гипотезу о том, что внешние, как положительные, так и отрицательные, эффекты (экстерналии) присущи не только меновым и транзакционным, но и институциональным нормам, действиям и их взаимодействиям. Другими словами, институты, особенно в процессе их реализации, обладают тем же свойством, которым обладает и сфера транзакционных действий. А именно: помимо основного результата, телеологически закладываемого в основание институциональных образований, в состав их результатов входят неподвижные внешние эффекты – *позитивные/негативные институциональные экстерналии*.

Следовательно, институты сами неизбежно являются в той или иной степени факторами неопределенности и нестабильности, но уже второго порядка, отличного от тех, для преодоления которых они, собственно, и были созданы.

Такая гипотеза позволяет, как минимум, приблизиться к объяснению ряда ситуаций, проблем, в частности, с наличием и соотношением эффективных и неэффективных институтов и институциональных организаций.

К такой постановке вопроса подвигают и ряд положений, высказанных В. В. Вольчиком и А. Е. Шаститко в рамках проблемы институциональной эффективности. По их мнению, государство может как способствовать созданию эффективных рыночных институтов, так и, наоборот, создавать институциональную структуру, которая не позволяет проявиться преимуществам конкурентного порядка из-за монопольной власти и других факторов, ведущих к росту транзакционных издержек. Все зависит от конкретных исторических условий и сравнительной эффективности в этих условиях той или иной системы хозяйственной координации. И хотя именно государство является необходимым атрибутом прогрессирующих хозяйственных систем, институты, генерируемые им, могут не только способствовать повышению эффективности (в смысле приближения к условиям Паретто – оптимального распределения ресурсов), но и препятствовать ей [13]. Созданные для предотвращения пагубного влияния негативных экстерналий, в том числе оппортунистических поведений действующих субъектов ВЭД, снятия неопределенности, институты сами в процессе своего функционирования могут привносить элемент нестабильности и усложнения ситуации. Соответственно, логически продолжая эти выводы, мы полагаем, что они с неизбежностью требуют противодействия негативным эффектам, следствием чего является создание институтов по преодолению негативных эффектов, проистекающих из ранее созданных институтов. Таким образом, за первой вол-

ной институциональных изменений и образований следует следующая волна создания институтов, направленная на предотвращение негативных последствий институтов первой волны. Но и институты второй волны также имеют свои внешние негативные эффекты. Они, в свой черед, также требуют новых институций для предотвращения негативов институций второго порядка. Образуется волна институций третьего порядка. Теоретически, такой *процесс создания институций под институции* может продолжаться до, так называемой, дурной бесконечности, что в практике, безусловно, не происходит. Рано или поздно наступает момент, точка предела, в которой рост институций под институции, а также институтов под институты принимает форму абсурда. И неэффективность всей выстроенной системы, избранных ко-

ординат институциональных образований, а также форма их функционирования становятся очевидными. В этом случае происходит реорганизация или полный отказ от институций и институтов первого порядка и замена их новыми, поскольку процесс «институций под институции» неизбежно приводит не к сокращению транзакционных издержек, а, наоборот, к их росту. Так происходит изменение институциональной среды в целом. Именно под углом такого взаимодействия между институциями и институтами, процесса их разрастания, структурирования и т. д. можно и необходимо рассматривать весь процесс институционализации МЭС (Мировой экономической системы), но при этом не исключая, а дополняя другие подходы и другие направления.

Литература

1. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. – М., 1997.
2. Шумпетер, Й. А. Теория экономического развития / Й. А. Шумпетер. – М.: Прогресс, 1982. – 455 с.
3. Alchian, A. Uncertainty, Evolution and Economic Theory / A. Alchian // Journal of Political Economy. – 1950. – № 58.
4. Капелюшников, Р. И. Экономическая теория прав собственности / Р. И. Капелюшников. – М., 1990.
5. Вольчик, В. В. Курс лекций по институциональной экономике / В. В. Вольчик. – Ростов н/Д.: Изд. Ростовского гос. ун-та, 2000.
6. Оффе, К. Политэкономия: социологические аспекты / К. Оффе // Политическая наука: новое направление; под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингемана. – М., 1999.
7. Олсон, М. Логика коллективных действий / М. Олсон. – М.: ФЭИ, 1995.
8. Модельски, Дж. Эволюция глобальной политики / Дж. Модельски // Полис. – 2005. – № 3-4.
9. Чихарев, И. А. Многомерность мировой политики / И. А. Чихарев // Полис (Политические исследования). – 2005. – № 1.
10. Лебедева, М. М. Предметное поле и предметные поля мировой политики / М. М. Лебедева // Международные процессы. – 2004. – № 2; Лебедева, М. М. «Воронка причинности» при исследовании мировых политических процессов // Полис. – 2002. – № 5.
11. Сморгун, Л. В. Современная сравнительная политология / Л. В. Сморгун. – М.: РОССПЭН, 2002. Также о сетях, как явлениях и как объектах институционального исследования, см.: Кузьминов, Я. И. Курс институциональной экономики: институты, сети, транзакционные издержки, контракты / Я. И. Кузьминов, К. А. Бендукидзе, М. М. Юдкевич. – М.: ГУ ВШЭ, 2006.
12. Сухарев, О. С. Институциональная теория и экономическая психология: объяснение современных закономерностей общественного развития. См.: <http://www.tu-bryansk.ru/>, а также: Сухарев, О. С. Институциональная теория и экономическая политика. К новой теории передаточного механизма в макроэкономике: в 2 т. / О. С. Сухарев. – М.: Экономика, 2007. – 1328 с.
13. Шаститко, А. Е. Государство и экономический рост / А. Е. Шаститко // Экономика и математические методы. – 1996. – Вып. 3. – Т. 32. Вольчик, В. В. Курс лекций по институциональной экономике / В. В. Вольчик. – Ростов н/Д.: Изд. Ростовского гос. ун-та, 2000.

Информация об авторе:

Михайлова Татьяна Александровна – соискатель кафедры экономической теории КемГУ, старший преподаватель кафедры основ экономической теории СибГИУ, 8-905-906-2131, mihailova-nvkz@rambler.ru.

Tatiana A. Mikhailova – post-graduate student at the Department of Economics, Kemerovo State University; Senior Lecturer at the Department of Economics, Siberian State Industrial University.